

жизни города большую роль играет община христианская, и одним из признаков большого города стало наличие в нем епископской кафедры⁴⁷. Некоторые функции муниципальных властей заменились благотворительной деятельностью церкви и христианских общин. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. Энгельса о христианстве, как о наследии, оставленном античной цивилизацией Средневековью. Энгельс писал, что единственным, что Средневековье «заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов»⁴⁸. Условия существования этих городов, как мы видели, всецело зависели от варваров, вследствие чего возрастает значение города как места убежища для сельского населения. Все это позволяет сближать позднеантичный город с городом ранне-средневековым.

THE COMMEMORATORIUM OF EUGIPPUS AS A SOURCE ON THE CITY IN LATE ANTIQUITY

Yu. K. Kolosovskaya

The *Commemoratorium* by Eugippus, known in the literature as the *Vita sancti Severini*, makes possible a description of a city in the province of Noricum Ripense in the second half of the 5th century A. D. Agriculture, the economic base of ancient cities, is still the main occupation of city-dwellers. But its significance as an economic factor has been reduced by the disruption of normal commercial ties with neighbouring provinces and with Italy. Continual incursions by barbarian tribes tended to increase the role of the city as a place of refuge for the population of the surrounding countryside. In the *Vita sancti Severini* there is no precise evidence on the functions of municipal authorities, but it may confidently be inferred that at this time the nature of their functions had undergone considerable change. The city's charities, formerly administered by societies of «small people» (*collegia tenuiores*) and by individual rich citizens for the benefit of the plebs were now conducted by Church bodies. A city's life was affected in significant degree by its relations with the Rugi tribes, which were *foederati* of the Late Roman Empire. Some cities in Noricum Ripense were garrisoned by Rugi and were obliged to pay *tributum* to the kings of that tribe, on whom also depended the city's right to hold fairs (*mercandi licentiā*). The city's dependence on new foreign policy relations and the alter-mediaeval city. The essential fact is that the city of late antiquity is outside the Roman imperial system.

⁴⁷ Мы знаем о такой кафедре в Лавриакке (*Vita*, XXX, 2), где было по крайней мере две базилики (*Vita*, XXVIII, 2). Лавриак назван *urbs* (*Vita*, XXX, 4; XXXI, 2), а Констанций — *pontifex eiusdem loci* (*Vita*, XXX, 2), что, по мнению Цибермайра, указывает на то, что Лавриак был метрополией Прибрежного Норика (*Z i b e r m a y r*, ук. соч., стр. 45), т. е. главным городом епархии. Избрание епископа производилось христианской общиной (*E u g i p p i u s*, *Das Leben*... стр. 134).

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360.

А. И. Павловская

К ВОПРОСУ О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ТРУДА РАБОВ И КОЛОНОВ

ПРОБЛЕМА роли рабского труда в социально-экономическом развитии древних обществ имеет много аспектов и при исследовании экономики и социальной структуры стран древнего мира в разные периоды их истории приобретает каждый раз свою специфику. Но из множества аспектов можно выделить один, имеющий значение для всех античных и древневосточных обществ на любой стадии их развития, — вопрос о рентабельности, т. е. хозяйственной целесообразности, прибыльности рабского труда по сравнению с трудом других категорий работников.

Решение этого вопроса позволяет раскрыть главные причины широкого или узкого использования рабского труда в разных отраслях производства и тем самым способствует выяснению социальной структуры древних обществ и процессов ее трансформации. Например, такие явления, как преобладание труда зависимых земледельцев в странах Передней Азии и Египта в эллинистическую и римскую эпохи, вытеснение мелкого землевладения рабовладельческими виллами в Италии II—I вв. до н. э. или распространение колонатных отношений в Римской империи, несомненно, самым тесным образом связаны с проблемой экономической целесообразности эксплуатации рабов и других категорий работников.

Вопрос о рентабельности рабского труда затрагивается как в специальных исследованиях, посвященных экономике древнего мира, так и в общих курсах по истории отдельных стран или античности в целом. В работах ряда исследователей, начиная с М. Вебера¹, широкое применение рабского труда обуславливалось двумя причинами: 1) дешевизной рабочей силы раба (при условиях его низкой покупной цены и низкой стоимости его содержания) и 2) возможностью предельной интенсификации труда рабов путем принуждения. Такая трактовка рентабельности рабского труда сложилась под влиянием хорошо известной экономической практики, существовавшей в рабовладельческих штатах Северной Америки. Безоговорочное применение этих положений к античному рабству приводит к модернизации экономических отношений в древности. Тем не менее они получили довольно широкое распространение в историографии и использовались, в частности, для попыток обоснования концепции о случайности, эпизодичности рабовладельческого способа производства².

¹ См. М. Вебер, Аграрная история древнего мира, М., 1925, стр. 345.

² Научная несостоятельность этих концепций убедительно показана в работах Е. М. Штаерман [см. Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отно-

В последнее время в советской историографии была предложена другая трактовка вопроса о рентабельности рабского труда. Преимущество рабовладельческих вилл и мастерских перед мелким хозяйством свободноземельца и ремесленника исследователи усматривают главным образом в применении кооперации и специализации труда рабов и в совершенствовании организации производства, позволявших поднять общую производительность рабского труда, а также в интенсификации его путем введения норм, поощрений и усиления надзора³. Думается, что и такая трактовка рентабельности рабского труда несколько односторонняя, так как при этом не принимаются во внимание условия воспроизводства рабочей силы и к тому же выводы основываются на локальном, преимущественно римском материале.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть вопрос о рентабельности рабского труда в более общем плане и в сопоставлении с другими категориями рабочей силы, ограничиваясь, однако, лишь областью сельскохозяйственного производства.

По данным источников и литературы в сельском хозяйстве Римской империи во II—IV вв. н. э. можно обнаружить пять основных категорий работников (или непосредственных производителей). Во всех провинциях Империи в большем или меньшем количестве сохранились свободные независимые мелкие землевладельцы, которые возделывали землю собственным трудом и уплачивали налоги государству. Обычно именно они имеются в виду, когда речь идет о «крестьянстве» в древнем мире. Наряду с ними существовали свободные земледельцы-арендаторы, обрабатывавшие земли своих более зажиточных односельчан или крупных землевладельцев. Именно эти два типа земледельцев наиболее характерны для египетской и малоазийской комы II—III вв. н. э.⁴ В западных провинциях в III—IV вв. преобладал труд зависимых людей — колонов из числа бывших свободных арендаторов и мелких землевладельцев или посаженных на землю рабов. На территории всей Империи в той или иной мере применялся также труд обычных сельскохозяйственных рабов⁵ и труд наемных работников (из числа свободных и рабов).

Однако дошедшие до нас документы этого времени почти не сохранили необходимых сведений о доходности разных типов хозяйств, производительности труда, стоимости прожиточного минимума и тому подобных данных, которые позволили бы сравнить рентабельность использования той или иной категории работников. Лишь для наемного труда — поденщиков — мы располагаем информацией, более или менее достаточной, чтобы сделать некоторые сопоставления.

пений в Римской республике. М., 1964, стр. 16—35; Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия), М., 1974, стр. 5—12].

³ Наиболее последовательно данная точка зрения развивается В. И. Кузиным в его кн. «Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э.» (М., 1973, стр. 98—102; там же см. библиографические указания) и в его докладе «Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э.» (см. «Пятый Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г. Тезисы докладов», ч. I. М., 1970). Близких взглядов придерживается и Е. М. Штаерман (Штаерман, Трофимова, Рабовладельческие отношения..., стр. 296—298).

⁴ См., например, Н. G e r m e k, Karanis, communauté rurale de l'Égypte romaine au II—III siècle de notre ère. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, стр. 105—118. О мелких землевладельцах в Малой Азии см. Е. С. Голубцова, Сельская община Малой Азии. III в. до н. э. — III в. н. э., М., 1972, стр. 70—134.

⁵ См. Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 26—48, 98—117; Г. Г. Дилгенский, Северная Африка в IV—V вв., М., 1961, стр. 113—148.

Так, папирусы из архива Зенона (III в. до н. э.) свидетельствуют о том, что в сельском хозяйстве птолемеевского Египта наемный труд был наименее выгодным по сравнению с трудом рабов или арендаторов и применялся преимущественно на сезонных работах, когда на короткий срок требовалось большое число рабочих рук⁶. Это наблюдение совпадает с выводами Т. Франка относительно наемного труда в сельском хозяйстве Италии во II в. до н. э.⁷ и Ж. Шварца об оплате труда поденщиков в Римском Египте II в. н. э.⁸ Очень убедительный материал в этом же плане содержат папирусы из архивов Эйренея и Геронина, фронтисов (управляющих) крупных поместий в Фаюме в середине III в. н. э.⁹

Таким образом, можно предполагать, что начиная с III в. до н. э. и до середины III в. н. э., т. е. в период наибольшего развития товарно-денежных отношений в античном мире, труд поденщиков оставался наименее выгодным. Ограниченное применение наемного труда в земледелии и его сравнительно высокую оплату можно объяснить общим относительно низким уровнем товарности земледельческого производства в древности, незначительным числом лиц свободного статуса, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу, и устойчивостью традиций, с одной стороны, обязывающих общину или полис поддерживать своих неимущих членов, а с другой — принуждающих эту категорию лиц вступать в те или иные формы внеэкономической зависимости.

Конкретно-исторический материал, относящийся к другим категориям рабочей силы, очень скуден, отрывочен и разновременен и не позволяет сделать достаточно убедительных сопоставлений. Поэтому нам представляется целесообразным подойти к вопросу о рентабельности разных видов труда теоретически, а именно: попытаться раскрыть содержание понятий *необходимый труд* и *прибавочный труд* в применении к интересующим нас типам рабочей силы¹⁰.

⁶ А. И. Павловская. О рентабельности труда рабов в эллинистическом Египте, ВДИ, 1973, № 4, стр. 136—144.

⁷ T. F r a n c e, An Economic Survey of Ancient Rome, v. I. Rome and Italy on the Republic, Baltimore, 1949, стр. 163. О применении наемного труда в римском земледелии см. также К у з и ц и н, Римское рабовладельческое поместье. . . , стр. 92—94.

⁸ J. S c h w a r t z, Les Archives de Sarapion et ses fils. Excursus № 2. Le prix de l'artabe de blé et le salaire d'un ouvrier agricole, Cairo, 1961, стр. 334.

⁹ А. И. Павловская. Рабы в сельском хозяйстве римского Египта, ВДИ, 1975, № 2, стр. 73—84.

¹⁰ Напомним, что понятия «необходимое» и «прибавочное время», «необходимый» и «прибавочный труд» Маркс считает всеобщими экономическими категориями, присущими разным способам производства. См. К. М а р к с, Капитал, т. I, гл. VIII, § 2 (Соч., т. 23, стр. 246—247). Раскрывая содержание этих понятий, Маркс пишет: «Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. . . Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, по-прежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести жизненные средства, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. . . Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, — необходимым трудом. . .»

Второй период процесса труда, — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным рабочим временем, а затраченный в течение ее труд — прибавочным трудом (surplus labour). . . Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда» (К. М а р к с, Капитал, т. I, гл. VII, § 1 — Соч., т. 23, стр. 227—229).

Рассмотрим, на какие цели расходовался необходимый и прибавочный труд римских рабов, колонов, земледельцев-арендаторов и свободных мелких землевладельцев¹¹. Очевидно, что при всех типах труда, кроме рабского, необходимое рабочее время будет затрачиваться на создание продуктов, потребных, во-первых, для воспроизводства рабочей силы самого работника и, во-вторых, для воспроизводства (или содержания) его семьи. У свободного мелкого землевладельца (а иногда и свободного арендатора) в необходимое время входит также и время, затрачиваемое на воспроизводство принадлежащих ему орудий и средств труда (т. е. скота, инвентаря, оросительных сооружений и т. п.), так как они входят в число тех жизненных средств, без которых невозможно существование мелкого землевладельца-земледельца. Только при эксплуатации рабов необходимый труд сокращается до минимума, потребного для воспроизводства рабочей силы самого раба, так как даже в тех случаях, когда раб фактически имеет семью, хозяин содержит его жену и детей не в качестве членов семьи раба, а в качестве отдельной — действующей или потенциальной — рабочей силы, которой он распоряжается по собственному усмотрению, вплоть до отчуждения.

Для выяснения рентабельности разных видов труда не менее важно проследить в каждом случае, на какие цели расходуется продукт прибавочного труда. В хозяйстве свободного мелкого землевладельца часть продукта, произведенного в прибавочное время, идет на уплату пошлин и налогов государству; излишки же остаются в распоряжении самого труженика и его семьи, что создает естественную заинтересованность в результатах труда и потенциальную основу для расширенного воспроизводства. Земледелец-арендатор отдает весь (или почти весь) прибавочный труд владельцу земли. Часть этого прибавочного труда владелец земли вынужден затрачивать на воспроизводство орудий и средств труда, другую часть — на уплату пошлин и налогов государству (если он не освобожден от их уплаты)¹², остальное составляет прибавочный продукт, присваиваемый им для своих потребностей. Та же структура распределения продукта прибавочного труда и при эксплуатации труда земледельцев, перешедших на положение колонов¹³. Несколько сложнее распределяется продукт прибавочного труда рабов и колонов-рабов.

Как уже говорилось, земле- и рабовладелец присваивает весь продукт труда рабов, кроме той его части, которая необходима для воспроизводства рабочей силы самого раба, но отнюдь не весь продукт прибавочного труда входит в чистый доход рабовладельца. Часть его идет в погашение цены, уплаченной за раба, или расходов на его выращивание (антиципированной и капитализированной прибавочной стоимости или прибыли, по определению К. Маркса¹⁴). Другая часть неизбежно расходуется на воспроизводство средств и орудий труда. Какие-то доли продукта приба-

¹¹ Автор приносит извинения за повторение некоторых положений, уже высказанных в статье о рентабельности рабского труда в эллинистическом Египте, так как они необходимы для наших дальнейших рассуждений.

¹² См. арендные договоры в Египте, например, р. Thead. 5 и 6 (Papyrus de Theadelphia. Ed. P. Jouguet, P., 1911). Нередки случаи аренды, когда воспроизводство средств труда возлагается полностью или частично на арендатора, например, обеспечение скотом и семенами (см. р. Michael. 24 — D. S. Crawford, Papyri Michaelidae, L., 1955) или ремонт оросительных сооружений (см. р. Strassb. 34 — Griechische Papyrus der Kaiserlichen Universitäts- und Landesbibliothek zu Strassburg, Lpz., 1912, р. Gen. 78 — J. Nicole, Les Papyrus de Geneve, Geneva, 1896).

¹³ См. Е. М. Штаерман, К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1952, № 2, стр. 118—119; А. Р. Корсунский, О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв., ВДИ, 1954, № 2, стр. 60—61.

¹⁴ См. К. Маркс, Капитал, т. III, гл. 47, § 5 (Соч., т. 25, ч. II, стр. 373).

вочного труда должны расходоваться на надзор за рабами и на уплату налогов государству. При расширенном воспроизводстве, кроме погашения цены раба, рабовладелец вынужден делать накопления для покупки или выращивания новых рабов. То, что остается за вычетом всех этих расходов, составляет прибавочный продукт, присваиваемый рабовладельцем для собственного потребления (в том числе и для содержания обслуживающей его рабской челяди).

При переводе раба на положение колона (или при наличии у раба производства производственного характера, например, ремесленного инвентаря) состав необходимого и прибавочного труда меняется почти кардинально. Необходимый труд включает в себя те же элементы, что и в случае эксплуатации свободных, т. е. воспроизводство рабочей силы раба-колона и его семьи. В распределении продукта прибавочного труда резко сокращаются расходы на надзор за работниками: по существу остается лишь надзор за качеством процесса производства, осуществляющийся и в случае использования труда свободного арендатора или колона. Прочие же формы надзора и принуждения, присущие чисто рабовладельческим хозяйствам, отпадают. Лишь в первом поколении рабов-колонов сохраняет свое значение погашение цены раба, так как в дальнейшем колоны воспроизводятся за счет необходимого труда. Следовательно, распределение продукта прибавочного труда рабов-колонов почти совпадает с распределением продукта прибавочного труда земледельцев-арендаторов и колонов из числа свободных земледельцев.

Сопоставим эти наблюдения со структурой необходимого и прибавочного труда крепостного крестьянства. Необходимый труд крестьянина, находящегося в феодальной зависимости, состоял из тех же трех элементов, какие мы отмечали при анализе труда мелкого свободного землевладельца в античном обществе, т. е. из воспроизводства рабочей силы земледельца, воспроизводства его семьи и воспроизводства средств и орудий труда. Прибавочный труд крепостного присваивался феодалом преимущественно в форме чистого дохода, ренты¹⁵.

Приведенные ниже схемы позволяют более наглядно представить себе структуру необходимого и прибавочного труда каждой из рассмотренных категорий работников¹⁶.

Сопоставляя схемы распределения прибавочного труда при эксплуатации раба (3), земледельца-арендатора (2) и земледельца-колона (5), легко заметить, что количество необходимого труда во 2-й и 5-й схемах больше на величину, необходимую для воспроизводства семьи; но в то же время в составе прибавочного труда отсутствуют расходы на надзор и на возмещение капитализированной ренты. Следовательно, замена рабского труда трудом свободного работника (и наоборот) становится возможной тогда, когда эти величины равны.

Иными словами, труд раба был выгоднее труда свободного земледельца-арендатора или колона только тогда, когда расходы на покупку (или выращивание) раба, его содержание и стоимость надзора за ним были ниже прожиточного минимума семьи свободного земледельца из четырех человек (основного работника, его жены и не менее двоих детей), при ус-

¹⁵ См. у К. Маркса анализ необходимого и прибавочного труда в условиях отработочной ренты или ренты продуктами — К. М а р к с, Капитал, т. III, гл. 47, § 2—3 (Соч., т. 25, ч. II, стр. 352 сл.).

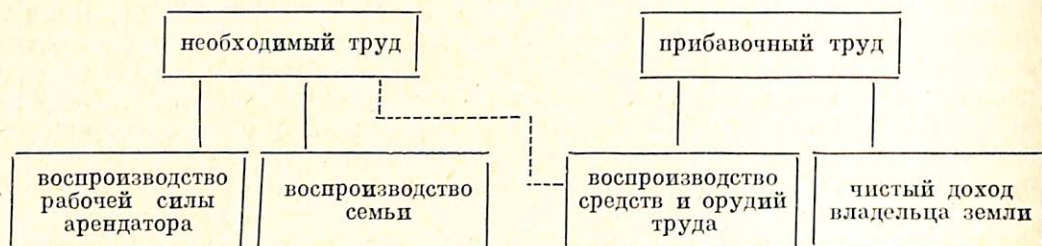
¹⁶ Для упрощения схемы в состав прибавочного труда не включаются налоги государству, так как их наличие или отсутствие обуславливается отношениями владельца земли с государством и не оказывает существенного влияния на распределение необходимого и прибавочного труда.

СХЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДУКТА НЕОБХОДИМОГО И ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА

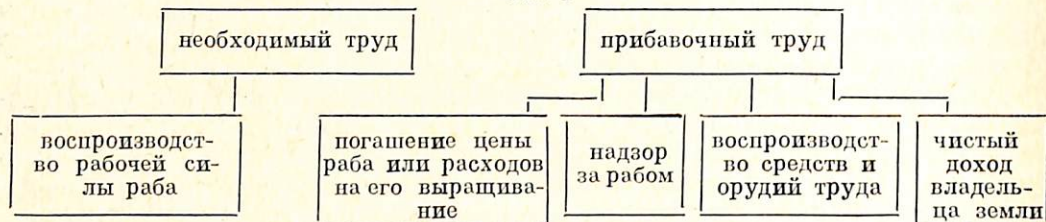
1. Труд свободного мелкого землевладельца-земледельца

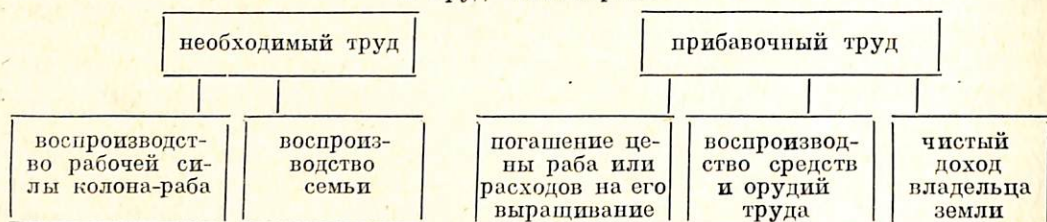
2. Труд земледельца-арендатора

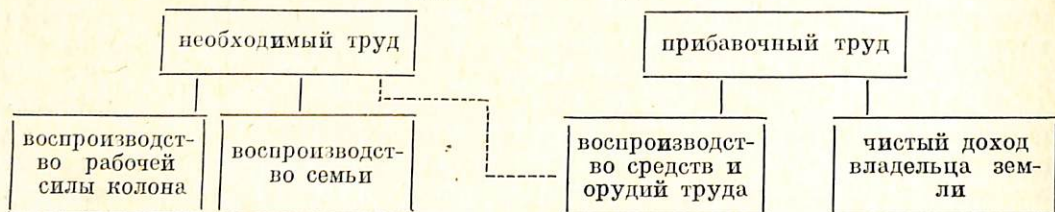
3. Труд раба

4. Труд колона-раба

5. Труд колона-земледельца

6. Труд крепостного крестьянина

ловии, что производительность труда в обоих случаях была одинаковой¹⁷. Повышение цены раба, расходов на его содержание и надзор за ним или *снижение прожиточного минимума свободных земледельцев до определенного уровня* могли сделать эксплуатацию рабского труда нерентабельной даже при равной производительности рабского и свободного труда.

Этот вывод можно использовать прежде всего для объяснения ограниченного применения рабского труда в странах древнего Востока. Так, например, в Египте низкий прожиточный минимум свободного сельского населения позволял извлекать достаточно высокий прибавочный продукт посредством налогов и использования арендных отношений. Именно этот метод эксплуатации на протяжении веков греко-македонского и римского господства неизменно оказывался более выгодным, чем организация рабовладельческого хозяйства по типу римской виллы.

Не менее существенное значение этот вывод имеет и для интерпретации кризиса рабовладельческого производства в Римской империи. По-видимому, причины развития колонатных отношений следует искать не столько в сокращении притока рабов и соответственно повышении их покупной цены, или увеличении расходов на надзор за ними, сколько в обнищании свободных земледельцев, в приближении их доходов от собственного хозяйства к величине труда, необходимого для простого воспроизводства. Этот процесс, медленно развивавшийся под воздействием товарно-денежных отношений и конкуренции рабовладельческих вилл, был ускорен гражданскими и внешними войнами III—IV вв., ростом налогов, обесценением денег, злоупотреблениями государственного аппарата и прочими сопутствующими явлениями.

В обстановке экономической и правовой неустойчивости (всегда существовала угроза превратиться в раба-должника¹⁸) колонатные отношения давали земледельцу определенную гарантию сословного статуса и обеспечение прожиточного минимума его семьи. Землевладелец же, эксплуатируя колонов, освобождался от забот и расходов на воспроизводство рабочей силы. Но, помимо этого, колонат, по-видимому, создавал и некоторую возможность для повышения производительности труда. Из сопоставления схем 3—6 очевидно, что состав необходимого труда, если рассматривать его эволюцию в направлении от рабского труда к крепостному, имеет тенденцию усложняться, приближаясь к составу необходимого труда мелкого землевладельца. Одновременно состав прибавочного труда упрощается и в конечном счете сводится к чистому доходу владельца земли¹⁹. Конкретно-исторический процесс также шел в этом направлении — от рабского труда к крепостному; поэтому можно предположить, что при смешанных формах эксплуатации размер доходов владельца земли количественно не уменьшался. Сохранение дохода на одном уровне возможно при двух условиях: либо перераспределение необходимого и прибавочного труда касалось лишь той части прибавочного продукта, которую владелец земли расходовал на воспроизводство средств и орудий труда, и не затра-

¹⁷ Относительно производительности рабского труда в литературе существуют различные точки зрения. По мнению Де Робертиса, она составляет лишь $\frac{2}{3}$ производительности труда свободного работника (см. F. M. De Robertis, *La organizzazione e la tecnica produttiva. La forza di lavoro e i salari nel mondo Romano*, Napoli, 1947, стр. 148). В. И. Кузищин (в упомянутом выше докладе на Пятом Международном конгрессе экономической истории) высказал мнение, что производительность труда рабов благодаря специализации была не ниже, а иногда даже выше, чем труда свободных.

¹⁸ См. А. Р. Корсунский, О положении рабов... стр. 49.

¹⁹ Следует оговориться, что в наших рассуждениях не принимаются во внимание отношения владельца земли с государством, т. е. не учитывается, передает или не передает владелец земли часть присвоенного им прибавочного продукта государству. Не принимаются во внимание также и расходы на управление хозяйством.

тивало доли, присваиваемой им для своих потребностей, либо перераспределение не вело к снижению доходов, так как сопровождалось повышением производительности труда.

Как известно, способ эксплуатации раба исключал его *непосредственную* заинтересованность в результатах труда, в повышении его производительности. В рабовладельческом хозяйстве расширенное воспроизводство было возможно либо путем интенсификации труда рабов и увеличения расходов на надзор за ними, либо путем увеличения расходов на воспроизводство средств труда и пополнение числа рабов, либо путем повышения производительности их труда за счет расходов на их обучение, поощрение и т. п. При этом дополнительные затраты не должны были превышать величины прибавочного продукта, полученного в результате повышения производительности труда рабов, иначе снижалась доля чистого дохода землевладельца, и расширение производства становилось невыгодным.

Опыт античного землевладения показывает, что рамки расширения размеров рабовладельческих вилл были сравнительно ограничены²⁰.

Структура необходимого и прибавочного труда других категорий работников, исключая мелких землевладельцев, также не содержит в себе элементов, обеспечивающих прямую и естественную заинтересованность в повышении производительности труда. И все же в структурах труда арендаторов, колонов и крепостного крестьянства есть потенциальный резерв расширенного производства.

Как указывает К. Маркс, повышение производительности труда или рост его интенсивности сокращают «ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство своих жизненных средств или их эквивалента»²¹. В применении к рабам и поденщикам это означает лишь увеличение прибавочного труда, присвоенного землевладельцем, т. е. повышение степени их эксплуатации. К иным последствиям приводит сокращение необходимого времени при других формах эксплуатации. Во всех рассматриваемых случаях (аренда, колонатные отношения, крепостная зависимость) отношения между владельцем земли и работником основываются или на обычаях и традициях, или на договорных началах, поэтому количество прибавочного труда, присваиваемого землевладельцем, приобретает какую-то заранее установленную величину — ренту, более или менее строго фиксированную во времени или в массе произведенного продукта. И так как размер ренты заранее фиксирован продуктом или договором²², то дополнительное количество прибавочного продукта, возникшее в результате повышения производительности труда, остается в распоряжении непосредственного производителя. Таким образом, в условиях упорядоченности и традиционности взаимоотношений землевладельца и земледельца возникает потенциальная заинтересованность последнего в повышении производительности труда²³.

²⁰ Кузищип, Римское рабовладельческое поместье. . . , стр. 130.

²¹ К. Маркс, Капитал, т. I, гл. 15, § 4 (Соч., т. 23, стр. 538).

²² Исследования египетских арендных договоров, выполненные И. Херманном и Д. Хеннигом, показывают определенную устойчивость размеров арендной платы с землей нормального плодородия на протяжении 50—100 лет. См. J. Hermann, Studien zur Bodenpacht im Recht der graeco-ägyptischen Papyri, München, 1958, стр. 247 сл.; D. Hennig, Untersuchungen zur Bodenpacht im ptolemaisch-römischen Ägypten, München, 1967, стр. 26.

²³ К. Маркс отмечает, что уже при отработочной ренте земледelec в принципе может часть прибавочного времени использовать в своих интересах, — «Капитал», т. III, гл. 47, § 2 (Соч., т. 25, ч. II, стр. 357). Еще больше вероятность этого при ренте продуктами. «При этой форме ренты, когда прибавочный труд представлен в продуктовой ренте, рента может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи.

Эта заинтересованность превращалась в необходимость, если число членов семьи земледельца увеличивалось и возникала потребность в большем количестве необходимого труда. Следовательно, перенесение ответственности за воспроизводство рабочей силы на непосредственного производителя не только освобождало хозяина земли от забот в этом направлении, но и создавало возможность стихийного расширенного воспроизводства рабочей силы внутри семьи арендатора, колона или крепостного, а тем самым стимулировало повышение производительности его труда.

Другой резерв повышения рентабельности хозяйства заключался в более целесообразном и экономном использовании средств и орудий труда, позволявшем сократить расходы на их воспроизводство при сохранении масштабов воспроизводства в целом. Уже в отношениях между колонами и землевладельцами или арендаторами и арендодателями можно заметить тенденцию сосредоточения средств и орудий труда (полностью или частично) в собственности земледельца. Например, в египетских документах III—IV вв. неоднократно указывается, что арендаторы обрабатывают арендованную землю своим инвентарем и своим скотом²⁴. О наличии имущества (в том числе инвентаря, как считает М. Я. Сюзюмов²⁵) у колоннов, закрепощаемых по закону Анастасия, говорится в кодексе Юстиниана (XI, 47, 19). В хозяйстве крепостного эта тенденция становится нормой: инвентарь и все средства труда, кроме земли, являются, как правило, собственностью крестьянина (участок земли находится в его наследственном владении), так что ответственность за их воспроизводство целиком падает на производителя. Все это позволяет заключить, что отношение работника и владельца земли к производству меняется в противоположных направлениях.

Если рассматривать вопрос о роли в производстве земледельца и землевладельца в схемах 1—6²⁶, начиная с свободного мелкого землевладельца, члена городской или сельской общины, то в этом случае производитель в рамках своих потребностей заинтересован в повышении производительности труда, несет всю ответственность за простое или расширенное воспроизводство и сам пользуется результатами своего прибавочного труда, так как здесь работник и владелец земли совпадают. При использовании рабского труда заинтересованность в повышении производительности труда и ответственность за простое или расширенное воспроизводство целиком ложится на землевладельца, так как он пользуется всеми результатами прибавочного труда, тогда как производитель лишен заинтересованности и ответственности за воспроизводство, поскольку по существу выполняет роль одного из средств труда²⁷.

Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности» (там же, стр. 359).

²⁴ P. Lips. 22; p. Michael. 24 и др.

²⁵ См. М. Я. Сюзюмов, К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, ВДИ, 1955, № 1, стр. 60—61.

²⁶ В наших схемах этот вопрос отражен лишь частично: с точки зрения экономических взаимоотношений, различия в правовом положении разных категорий работников не выявляются.

²⁷ «Для хозяина его земля была точкой приложения творческих сил, а также источником обогащения, для раба это было место нудной работы и скудной жизни. Рационализаторские затеи хозяина ложились на него только лишним бременем, выгоды для себя он в них не видел. Римский рабовладелец очень давно, уже со времени Катона, задумывался над тем, как ему быть с этими безучастными, равнодушно покорными или бессмысленно строптивыми работниками», — пишет М. Е. Сергеев во введении к ее книге «Ученые земледельцы древней Италии» (Л., 1970, стр. 24).

Дальнейшее развитие аграрных отношений ведет к тому, что вновь постепенно повышается значение работника в процессе производства и падает роль владельца земли. В итоге при феодальных отношениях крепостной крестьянин несет полную ответственность за процесс воспроизводства (в целом) и потому в значительной мере заинтересован в повышении производительности труда, тогда как владелец земли превращается в просто получателя прибавочного труда в виде ренты.

Одновременно изменяется характер связей землевладельца и земледельца с социально-экономической системой в целом — с системой, элементом которой являются их взаимоотношения.

Мелкий свободный землевладелец связан с обществом и в экономическом и в политическом отношении: государство или община гарантируют ему личную свободу и право владения землей, за что он отдает часть своего прибавочного труда в виде налогов или повинностей (трудовых или воинских); в рамках этого общества он осуществляет в большем или меньшем масштабе обмен произведенных им продуктов на необходимые ему. При рабовладельческом способе производства все связи с внешним миром сосредоточены в руках землевладельца, земледelec-раб полностью из них выключен. Зато связь земле- и рабовладельца с обществом не исчерпывается гарантиями личной свободы и права владения землей. С самого начала предполагается его зависимость от социально-экономической системы в целом, так как только внутри или с помощью этой системы он может получить необходимую ему рабочую силу (в дальнейшем он может воспроизводить ее и внутри своего хозяйства, но начальный момент неизбежно зависит от суперсистемы). Более тесной становится и чисто экономическая связь: большее количество прибавочного продукта идет на обмен и большая часть потребностей (в том числе и связанных с самим процессом производства) удовлетворяется через рынок ²⁸ (в частности, и потребность в дополнительной рабочей силе). По-видимому, можно говорить не только о стимулирующем влиянии торговли и товарного производства на развитие рабовладельческого способа производства ²⁹, но и о наличии в самом этом способе производства определенных условий для развития товарных отношений.

Применение труда колонов ослабляет зависимость землевладельца от общественной структуры и его связь с рынком в результате того, что снимается задача воспроизводства рабочей силы. Удовлетворение потребностей колонов идет помимо землевладельцев. Это означает, что потенциально возможны какие-то прямые экономические связи непосредственных производителей с суперсистемой. Но так как основной производственной единицей становится мелкое крестьянское хозяйство, обремененное к тому же земельной рентой, появляется стремление к автаркии, товарные отношения сокращаются.

Эти тенденции получают дальнейшее развитие в процессе становления феодальных отношений.

Итак, исходя из анализа структуры необходимого и прибавочного труда, мы попытались выяснить: 1) условия, при которых рабский труд становится нерентабельным; 2) резервы расширенного воспроизводства при эксплуатации колонов и феодально зависимых крестьян; 3) изменения во взаимоотношениях земледельца и землевладельца, их роли в процессе

²⁸ См., например, советы Катона о продаже маслин, винограда, вина и указания, где какой инвентарь покупать (Cato, De agricultura, 135, 146—148). Подробнее об этом см. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений. . . , стр. 67—95; К у з и щ и н, Римское рабовладельческое поместье. . . , стр. 102—118.

²⁹ К. К. З е л ь и н, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э., М., 1960, стр. 67.

производства и их места в общей системе социально-экономических отношений при переходе древних обществ от одной формы эксплуатации к другой.

В какой мере наши выводы соответствуют конкретно-историческому материалу, дошедшему до нас из отдельных провинций Римской империи, предоставляем судить специалистам, занимающимся изучением соответствующих регионов в античную и раннефеодальную эпохи.

ON THE PROFITABILITY OF THE LABOUR OF SLAVES AND COLONI

A. I. Pavlovskaya

The author applies to this problem the concepts «necessary labour» and «surplus labour» and explains the meaning of these concepts in relation to different categories of workers: small working landowners, tenant farmers, slaves, slave-coloni, coloni and «serfs», i. e. peasants tied to the land. Correlation of necessary and surplus labour for each of these categories is given in tabular form. Using the data thus tabulated, the author estimates the conditions needed for profitability in the cases of slave and colonus labour. She notes the existence of a potential reserve for extending production where the labour exploited is that of coloni or serf-peasants, traces changes in the roles of landowner and worker as one form of exploitation is replaced by another and characterises the ties between landowner and landworker and between each of these and the socio-economic system as a whole.
